

ВЕЧНЫЕ

Annotation

Император много раз сталкивался с Вечными, с людьми, которых мутировавшая ветвь развития наделила сверхчеловеческими способностями. Они не стареют и не способны слишком просто умереть. Но кем они были для Императора?

- [Вечная](#)
 - [Вечный](#)
 - [Вечное](#)
-

Вечная

1

- Только не вини никого. Просто так получилось. Просто...

Его лицо исказила гримаса боли, подключенные аппараты жизнеобеспечения прекратили работу - медицинский сервитор беспристрастно отключил питание. Он угасал еще несколько секунд и каждое последнее мгновение было мучительным - химические ожоги по всему телу причиняли боль до самой смерти.

Я посидела с ним еще две долгих минуты, пока сервитор запечатывал пакет утилизации тела. Он был моим мужем девять лет по стандартному терранскому времени и двенадцать по старому местному. Для Империума он оказался нужнее фермером, чем солдатом, поэтому нас не разлучила эта безумная война предателей. Хорус захватывал планету за планетой, но на нашей не стал задерживаться - она не представляла для этого отступника интереса. Он отдал эту систему для веселья своим змеям, безумным ублюдкам из Гвардии Смерти. Нашей планете досталось меньше всего - здесь запал этих психов иссяк. Предыдущие шесть планет были методично уничтожены экспериментальными ядами, промитием и косами смерти. Здесь они лишь поиграли с парами промития, что оставлял на коже химические ожоги, но сразу не убивал. По сведениям из инфо-сети пострадало девяносто семь процентов населения - все, кто были на плантациях. Мой муж был там.

Он умирал два дня, пытаясь вырваться из цепких лап смерти, но я видела подобное далеко не раз и уже знала, что сервитор отсчитает положенные сорок восемь часов и, если не увидит принципиальных изменений, отключит все аппараты. Мой муж терял сознание семь раз и семь раз возвращался, спрашивая про сына. Я успокаивала его, рассказывая, что Гарви был дома и не пострадал. Зачем перед смертью знать, что сын и еще сорок шесть детей погибли на улице в первые же секунды чудовищного эксперимента - детские организмы не могли сопротивляться запредельной боли.

Никто не прибыл на помощь в первый день. И во второй. И через неделю. И через месяц. Похоронить мужа и сына мне не дали - их тела сожгли в общем крематории. Губернатор пытался выгнать уцелевших на работы, но кто-то из толпы выстрелил ему из старого пистолета в плечо - больше губернатор не выходил на люди.

Я собрала немногочисленные вещи и сожгла их. Пока идет эта бессмысленная война, никто не сможет выбраться с планеты, поэтому и мне здесь делать больше нечего. Сын мертв, муж мертв, друзья и родные мертвы, планета обречена. Мортарион, если выживет в жерновах войны, отныне мой враг номер один. Поэтому я беру купленный у соседа обрез и пускаю дробь себе в подбородок, превращая череп в кровавое месиво мозгов и осколков кости.

Это мой выход с блокадной планеты. Это моя месть. Мортарион, я иду за тобой. Ведь я Вечная.

2

Что-то пошло не так. Тело не восстановилось сразу и мое сознание оказалось в варпе. Впервые за последние девятьсот лет я по-настоящему испугалась - мой псайкерский потенциал не был достаточно сильным для открытого блуждания по Океану. Я осмотрелась, если это понятие можно применить к варпу - разномастные хищники уже сорвались со своих маршрутов и летели, плыли, прыгали и бежали ко мне. "Настолько ли я вечна?" - впервые за долгие годы в разуме сформировался тревожный вопрос, что материализовал еще одно существо, окрепшее от моего испуга.

- Не бойся, они тебя не тронут, - прозвучал сильный и красивый голос за спиной ментальной оболочки моего тела. Хищники варпа, бешено воя, натыкались на невидимую стену и тогда, ошав от изумления, я наконец решила обернуться. Император был не один - рядом с ним парил Магнус, который в этом пространстве имел оба глаза.

- Император, я бы склонила колени, но их сейчас у меня нет, - еще в первой жизни юмор был моей защитной реакцией, но сейчас оказался глупым и неуместным.

- Ты хочешь убить моего сына, - Император не спрашивал, он читал мои мысли и память, беспардонно перебирая все мои жизни.

- Отец, ты это видишь? - услышать взволнованный голос примарха оказалось приятно, хоть это и ответило на несформировавшийся вопрос, читал ли он меня тоже. Как оказалось, Императору тоже были не чужды человеческие чувства. Изумленно приоткрыв рот, он сказал чуть тише обычного:

- Ты из будущего, Вечная.

Магнус подплыл чуть ближе, пристально посмотрел в мои глаза и сказал своему создателю:

- Отец, она видела предательство Хоруса.

Император зарычал, распугав за барьером хищников поменьше:

- Он еще даже не родился!

- Я тоже, но она меня знает уже взрослого. Пусть оживет.

Император нахмурился:

- Ты придешь ко мне так быстро, как только сможешь.

Сын и отец исчезли. Барьер тоже. Все хищники моментально сорвались со своих мест и за долю секунды разорвали мое ментальное тело на куски.

3

Тот, кто мечтает о бессмертии, будет разочарован после первого же возрождения. Реальность стирает твоё прошлое тело в порошок, разрывая на молекулы, в случайном порядке бросает туда, где организм способен жить, и вновь собирает этот живой конструктор, пока сознание наблюдает за строительством. Если бы это было единственным неприятным моментом, смерть не была бы страшна, но есть еще одна особенность. В момент сборки тела боль от всех предыдущих смертей разрывает сознание. За все века перерождений я успела испытать боль почти каждого типа: схватывающие, пульсирующие, дергающие, стегаящие, колотящие, долбящие, колющие, впивающиеся, буравящие, сверлящие, взрывные, острые, режущие, полосующие, кромсающие, щемающие, сжимающие, стискивающие, давящие, тянущие, выкручивающие, вырывающие, выламывающие, тупые, ноющие, ломящие, раскалывающие, распирающие, растягивающие, разрывающие, царапающие, саднящие, дерущие, пилящие, грызущие. Все эти боли в один момент застилают все вокруг, убивая чувства и эмоции. Истина проста и смешна -

перерождение практически невыносимо. Миллиарды раскаленных ржавых спиц впиваются в голову, вырывая куски плоти и сразу же прижигая кровоточащие раны. Наверное, если бы это было в реальном теле, было бы меньше муки.

С каждым разом протрация после входа в физическую оболочку длится все дольше и дольше, благо, реальность милостиво подбирает места, где нет людей в шаговой доступности от бесчувственного комка плоти. С одной стороны хорошо, что голую девушку, которая не понимает, где оказалась, не находят сразу, с другой же - без одежды не очень приятно иногда ходить по несколько часов в поисках цивилизации. Один раз я так умерла от жажды, когда чередой вероятностей выбросило на пустынную планету. Откуда же я знала, что на поверхности городов нет, а все ульи спрятаны под землей?

Когда чувство реальности вернулось, я осмотрелась - на горизонте виднелся известный по учебникам вулкан. Самый знаменитый вулкан Солнечной системы - Олимп. Сейчас он был практически полностью перестроен под нужды кузницы генерал-фабрикатора Марса Кельбор-Хала и это не сулило ничего хорошего - я читала в инфо-сети, что он поддержал Воителя в его предательстве... Или еще не поддержал? Разговор с Императором и Магнусом оставлял больше вопросов, чем ответов - еще ни разу возрождение не шло назад во времени.

До ближайшего поселения рабов и станций отдыха сервиторов я добралась за шесть часов. Не найдя ни одного сервитора в одежде, вскрыла чью-то палатку, украла ботинки и балахон, побрезговав нижним бельем, оделась и пошла в сторону кузницы адепта Зета. Хоть она и погибла в моем времени, но осталась лояльной до самого конца, что должно было помочь добраться до Терры. Впрочем, эта мысль пропала, когда четыре протектора у входа в кузницу направили на меня стволы своих орудий. Они не могли идентифицировать меня по аугментике, потому что ее не было в принципе, не могли идентифицировать по лицу, потому что меня не было в базах Марса, не могли идентифицировать по отпечаткам пальцев - новый узор после перерождения еще не числился в списках Империиума.

- Мне нужно поговорить с адептом Зета, - попыталась сказать как можно более мирно, но избежать парализующего разряда электрошока не получилось.

Когда я пришла в сознание, протекторов не убавилось - лишь сменились декорации. Они затащили меня внутрь кузницы и, судя по постаментам с экспонатами, принесли в музей. Осмотреться я не успела - в помещение влетел человек, с ног до головы защищенный облегающими доспехами цвета золотисто-красной бронзы. Станный костюм хозяина кузницы не скрывал принадлежность к женскому полу, а лишь подчеркивал своими изгибами идеально подогнанных пластин бедра, талию, даже грудь. Кольчужная сеть опускалась от пояса до колен, издавая мелодичный звон при каждом шаге. Лицо было скрыто за маской с непрозрачными окулярами. Это и была легендарная бунтарка в области подхода к технологическому процессу. Адепт Зета заговорила вначале с протекторами, судя по треску бинарного кода. Каждый из четырех боевых машин опустил свои орудия и перешел в спящий режим. Голос синтезатора человеческой речи прорычал из динамиков абсолютно внезапно:

- Кто ты такая, Омниссия тебя почини?!

В ее голосе не было угрозы или неприязни - изумление и интерес, смешанные в равных пропорциях.

- Мне нужно на Терру, - вместо ответа твердо заявила я, почему-то даже на мгновение поверив, что потолок раскроется и оттуда опустится кабина лифта Марс-Терра. Из динамиков маски зазвучал треск и я испугалась, что у единственного шанса на дорогу к Императору сломался дыхательный аппарат. Спустя несколько секунд пришло осознание, что адепт Зета смеялась:

- Терра разорена войнами и вымерла с вероятностью ноль целых девятьсот шестьдесят четыре тысячных из единицы.

Гравитация внезапно стала сильнее тянуть к полу, сделав ноги ватными, а воздух испарил всю влагу изо рта.

- Как... Терра... Трон...

- Последний раз спрашиваю. Кто ты такая?

- Император не мог этого допустить... - мне не верилось, что колыбель человечества уничтожена: - Это сделал Хорус?

- Император? Хорус? У меня есть две причины не отдать приказ протекторам разорвать тебя на куски: тебя нет в базах данных Марса и

ты меня заинтересовала. Но если ты будешь продолжать упорствовать, я утолю свой интерес вивисекцией твоего полностью биологического тела. Император чего? Это один из этих князьков-диктаторов с Терры? Причем здесь бог из древнего Гипта? И что тебе нужно на агонизирующей планете?

5

Если бы я владела техникой общения бинарным кодом, объяснение заняло около двадцати секунд, но как-то не довелось ни за одну жизнь выучить язык марсиан. Поэтому адепту Зета пришлось слушать меня четыре часа. Можно было уложиться и в пять минут, если бы она не перебивала рассказ уточнениями. Как бы то ни было, мой рассказ подошел к финалу.

- Ты либо безумна и веришь в эти все глупости, либо я и правда создам машину времени, - подытожила хозяйка кузницы. За годы десятков жизней я научилась врать чище, чем говорить правду - история с машиной времени все равно более правдоподобна, чем перерождающаяся женщина из другого конца галактики.

- Так теперь я могу рассчитывать на полет домой? - даже стыдно не стало за ложь про жизнь на Терре.

- Нет, конечно.

- Слеза Сангвиния, да почему?

- Ты ускоришь создание моей машины времени, - на этих словах Зета что-то приказала протекторам и меня снова парализовал удар электрического разряда.

На этот раз я не очнулась. То ли вивисекция пошла неудачно, то ли на моем теле попытались закрепить аугментику, но я умерла. Пока сознание летело к собирающемуся телу, сквозь боль я сделала мысленную пометку, что в следующий раз лучше придумать менее зависимую от участия в событиях ереси Хоруса стратегию лжи.

Как бы то ни было, пришла в себя я посреди леса. Под ногами расстился мягкий ковер из опавших листьев, в воздухе витал запах гниющих деревьев и экскрементов животных. Мысленно помянув недобрым словом древних колонизаторов, я, стараясь не пораниться, пошла искать выход из леса. Везением или опытом, но к небольшой деревушке я вышла еще до заката. В пустом и на счастье не

заброшенном доме я нашла одежду и выдавший лучшие времена лазерный пистолет. Покрутив регулятор, я выкрутила мощность на максимум, скептически отметив, что хватит на шесть выстрелов, положила оружие в карман и вышла на улицу. В соседнем доме тоже было пусто, а вот в третьем слышались звуки возни на кухне. Войдя внутрь, я проявила максимум такта и вежливости:

- Привет? Есть кто дома?

Четыре женщины даже не отреагировали на мое приветствие, а пятая указала разделочным ножом на свободное место у стола, что был завален небольшими тушками мохнатых зверей:

- Принимайся за работу, скоро вернутся мужчины.

- И дальше что? - невинный вопрос вызвал странную реакцию. Одна женщина выронила нож, вторая издала нервный смешок, третья сплюнула на пол, четвертая в ужасе округлила и без того большие глаза, а моя собеседница скрестила руки на груди, усмехнулась и сказала самые неприятные слова из всех, что можно было только придумать в моем положении:

- Да второй такой юмористки на всем Калибане не сыщешь.

Планета без звездолетов. Здесь делать нечего, да и из лазерного пистолета я еще ни разу не стреляла себе в голову...

6

Застрелиться из лазерного пистолета - не такая уж и страшная смерть. Не успеваешь ничего почувствовать - если бы знала, всегда убивала себя из лазерного оружия.

Сознание летело к следующей точке сборки, боль съедала эмоции без остатка, мысли лениво ползали по ментальной голове. Ничего необычного для новой гибели.

Собранное тело приближалось и я приготовилась к неизменному чувству прострации... Но врезалась в тело и спружинила ментальной оболочкой на десяток метров назад. Боль исчезла, мысли восстановили свою скорость, тело неподвижно стояло.

"Какого..."

"А ты думала, все будет так просто?", - промелькнула мысль, прервав предыдущую.

"Вообще, да", - зачем-то ответила я самой себе.

"Ты настолько привыкла к своему бессмертию, что совсем забыла о своей сути", - а вот эта мысль уже заставила напрячься. Раньше я не наблюдала за собой расстройство личности. Может, это и есть отложенный побочный эффект самоубийства от лазера? Тем не менее мысль продолжилась: "Не думай глупостей. Лазер только разрушил твою физическую оболочку. А теперь сосредоточься и вспомни суть".

"Я хочу в свое тело!"

"Ты всегда в нем, милая. Всегда в нашем теле".

Сознание пульсировало в физическое тело. Как-то раз, около семнадцати жизней назад, я изучала древнюю Терру и прочитала рецепт напитка "водака". Поэкспериментировав с ингредиентами, я получила несколько литров этой горькой жидкости и, по указанной в книге традиции, выпила немного. На утро, после пробуждения, было очень плохо: слабость, сухость и ужасное послевкусие во рту, головная боль и тошнота одновременно. Сейчас было схожее ощущение, только чуть сильнее.

Ускользающая мысль памяти тянулась буквой "м" и сулила одновременно и безграничную боль, и всепоглощающее наслаждение. Как бы то ни было, ментальное похмелье прошло и я смогла осмотреться. Пустыня, одно желтое солнце, растительности минимум - судя по знаниям из всех жизней мне несказанно повезло. Терра.

Спустя пять часов похода по пустыне в голове осталась лишь одна мысль: "Умирать нельзя". Во рту пересохло, стопы обжигал раскаленный песок, кожа покраснела от палящего солнца, но останавливаться было нельзя - либо я ходила кругами, либо изначально выбрала неверное направление. Как бы то ни было, обида на судьбу, что подарила и собралась отнять Терру, нарастала, пока в небе не появилась черная точка. Всего через минуту она обрела контуры и превратилась в вертолет Громовых Воинов. Я даже не знала, радоваться или кричать от несправедливости - протоастартес отличались буйством и полной антипатией к противоположному полу. Как бы то ни было, эти первые завоеватели планеты вели вертолет в мою сторону...

Когда неуклюжие силачи вывалились из севшего вертолета, меня на секунду напугал тот факт, что я стою перед десятком огромных мужчин голая, как одиннадцать жизней назад на Фенрисе. Впрочем, генетически усовершенствованных мужчин это не смутило - командир-импотент с бугрящимися мышцами-канатами бросил мне серый халат и кивком указал на вертолет. Надев удивительно мягкую вещь, я зашла внутрь летательного аппарата и села на скамью.

- Ты важная шишка, - то ли спросил, то ли констатировал факт капитан отряда, когда машина взлетела.

- Куда мы летим? - перебивая рев двигателей спросила я, с непонятной мстительной радостью отметив, что капитан скривился от боли. Усовершенствованный слух отсекал прочие шумы, настроившись на мой голос, поэтому можно было говорить хоть шепотом. А вот крик уже ударил по барабанным перепонкам.

- Сиди, женщина. Шеф сказал тебя не трогать.

- А если я тебя трону? - неизвестно откуда взявшаяся наглость и гонор сами выплюнули эти слова изо рта. Капитан напрягся, решая, что делать: выбросить из вертолета наглую пассажирку или послушать инстинкт самосохранения перед гневом Императора. Выбрав свою жизнь приоритетной, он окаменел и уставился в иллюминатор.

Через пустыню мы летели около двух часов и до меня дошло, что это бывший Тихий Океан. Нахлынула ностальгия - я еще успела застать плещущиеся о берег волны, рыб, плававших в воде, детей, строивших замки из песка. Сейчас волны были лишь в тарелках с похлебкой, рыбы в аквариумах элиты, а дети строили только настоящие улы в южных частях планеты. За этими размышлениями я не заметила, как вертолет пошел на снижение.

Дворец еще строился - то тут, то там вспыхивали огоньки сварки, слышался скрежет подгоняемых балок перекрытий, гудели тестируемые аппараты генерирования поля Геллера. "Как же давно Император знает про варп?"

Громовые Воины провели меня в покои Императора. Когда-то одного упоминания Создателя Империи Человечества было достаточно, чтобы упасть на колени в восторге, но сейчас все было иначе. Моя единственная цель - его нерожденный сын.

- Оставьте нас, - тихо сказал Император и его верные солдаты ушли, закрыв за собой двери. Оценивая меня обычным и псайкерским взглядами, Объединитель Терры молчал.

- Я не сталкивался с такими людьми, - от голоса я подпрыгнула и резко развернулась. Малкадор Сиггилит прошел мимо меня и встал рядом с Императором.

- Так вы уже в курсе, почему я здесь? - уверенности в моем голосе было столько же, сколько целых океанов осталось на Терре.

- Через три месяца я отправляюсь на Марс, чтобы объединить первую колонию с Террой.

- Вы полетите туда, чтобы Марс стал делать оружие, броню и звездолеты для астартес, а не для объединения.

Малкадор вошел в мое сознание, переглянулся с Императором и изумленно спросил, ни к кому не обращаясь:

- Откуда она знает про астартес?

- Более того. Прежде чем лететь на Марс, вам лучше доделать свои дела на Терре. Доделать примархов.

8

Лаборатория охранялась бесчисленными ловушками, крупнокалиберными турелями, сетками лазерных заслонов и особым видом Громовых Воинов, что больше походили на сервиторов - аугментика в голове превратила их в послушных роботов. Мы спустились в тайную лабораторию под Гималаями на лифте и каждый из четверых присутствующих молчал. Четвертый вообще еще не мог существовать, но, все же, Магнус был здесь и настороженно пытался прощупать мое инфополе. Малкадор держался холодно и явно был не согласен решением Императора показать мне свои творения, однако никак не выражал свое недовольство. Сам же Творец о чем-то размышлял.

Створки лифта раскрылись и мы вышли в ярко освещенный белым светом коридор.

- Почему двадцать? - спросила я у Императора, надеясь застать его задумчивость врасплох. Не удалось:

- Зачем тебе это?

- Просто интересно. Почему не десять? Почему не сто?

- Мне нужны только девять из них, по одному на девять направлений полетов древних колонизаторов Терры. Остальные - допустимая погрешность генокода.

- Девять лояльных сверхлюдей для управления воссоединением человечества... Но почему не восемьдесят один? По девять полубогов на каждую сторону.

Император слегка улыбнулся:

- Ресурсы Терры не безграничны.

Вход в саму лабораторию закрывала гигантская дверь на мощных сервоприводах. Император поднес руку к считывателю ДНК и мир застыл. Я оглянулась: Отец Империиума стоял с властно вытянутой рукой, Малкадор сверлил меня взглядом, аура Магнуса была совершенно неподвижна. Даже пыль висела в воздухе, не падая вниз.

"Ты почти готова", - мысль в голове с идеальной точностью воспроизвела голос погибшего мужа. За все мои жизни он стал единственным, кого смогла полюбить...

"Да, любимый..."

Время пошло своим чередом. Считыватель принял своеобразный ключ хозяина и откатил в сторону массивную дверь из уже утерянного на Терре и еще не добытого на Марсе керамика. Двадцать стальных колб с тонкой вертикальной полоской прозрачного плексигласа стояли в два ряда. Внутри была амниотическая жидкость, где плавали дети. Дети-примархи. Маленькие полубоги. Оружие Императора.

Я прошла между рядов и остановилась напротив четырнадцатой колбы. "Удивительно", - голос мужа в голове был полон сарказма и я поняла еще один просчет Императора. Номера легионов совпадали с номерами примархов. Номера легионов полностью совпадали с порядком, как их будет находить Великий Лжец.

"Теперь ты готова".

"Да, теперь я готова", - подумала я, уже не сдерживая гнев, но вслух произнесла то слово, что было чуждо моему языку и опасно самому мирозданию. То слово, которое все это время одной буквой сверлило сознание, одновременно скрепляя воедино гнев, ярость, злость, жажду мести и разрушения.

- Малал.

Император сделал шаг вперед, но было уже поздно - мои силы псайкера возросли многократно, заставив ментальную оболочку Магнуса спрятаться за щит Малкадора, что напряг все свои резервы на защиту нерожденного примарха.

- Остановись, - голос Отца Империиума прозвучал громом посреди лаборатории, но я не дрогнула. Малал смеялся во мне, приумножая чувство мести, зажигая игривую ярость, возбуждая жажду возмездия. Во Вселенной не было ни одного человека, что был бы так зол и так сильно жаждал мести, как я. Сорвавшись с места я подбежала к выхватившему меч Императору и в прыжке ударила коленом ему в грудь. Пошатнувшись, гигант в золотых доспехах отпустил эфес легендарного оружия. Отпрыгнув назад, я метнула из руки огненный шар в сторону побледневшего от напряжения Малкадора.

- Отдай одного сына или погибни со всеми остальными, - мой голос возбужденно дрожал, превращая некогда тихий голос в рычание хищника. Император сжал кулаки и на пол посыпались искры. Что-то держало его от того, чтобы вступать в борьбу в полную силу. "Он просто трус", - засмеялся голос в моей голове и я снова ринулась в атаку. Скорость увеличилась, силы многократно возросли, и я на мгновение забыла, насколько мощный противник передо мной. Император схватил меня за левое плечо своей сильной рукой, поднял в воздух и ударом другой руки отправил в шестиметровый полет в подсвеченную перегородку. Оставив на стене тысячи трещин, я на долю секунды потеряла сознание.

Открыв глаза, я увидела стремительно приближающегося Императора. "Соберись", - хохотнул голос и я рывком встала на ноги, уперлась ногой в стену, оттолкнулась от нее и в прыжке попыталась ударить противника в голову, но тот увернулся и вновь повторил:

- Остановись!

Снова оказавшись на земле, я скользнула под рукой Императора, которой тот пытался вновь схватить меня, ударила кулаком в бок врага и зашла со стороны спины. Осыпая вихрем ударов спину Отца Империиума, я пыталась отыскать слабую точку, уязвимость. Как победить вечного?

Император резко присел, словно не ощущал боли от ударов, подсечкой повалил меня на пол и навалился всем весом своего тела:

- Стой!

Закричав, я титаническим усилием сбросила гиганта с себя и быстро отползла в сторону. Мы встали друг напротив друга. Я отчаянно не понимала, почему он не убил меня, хотя уже несколько раз мог это сделать.

- Дай мне то, за чем пришла и я уйду.

- Как ты не понимаешь? - Император сжал кулаки и сама реальность потускнела: - Это все часть единого плана. Ты знаешь, что есть варп, но не видишь сути.

"Он отвлекся. Бей!" - голос в голове давился смехом и нетерпеливо страдал от скуки. Я медлила. Над головой Императора полыхал огненный вихрь, молнии обьяли его руки, а пол под ногами заледенел. Почему же он держит себя?..

- Пройдут тысячелетия, сплоченный Империум будут сотрясать войны с порождениями варпа, но итог один - Человечество выстоит.

- Ты ответственен за геноцид целых систем, ты... - Император прервал меня внезапным шепотом:

- Наши жизни не стоят гибели этой реальности...

"Он лжет - убей его, убей!" - голос стихал. Я начала понимать, почему Император упорствовал. Будучи вечным, он впитывал в себя знания и все это время незримо охранял человечество, бережно держа в своих крепких руках нить мироздания. В его глазах я видела боль тысячелетий, мудрость веков и целых цивилизаций, отцовскую заботу и опеку всего человеческого вида.

Смех в моей голове затих и я приняла решение:

- Внеси коррективы в свой план и сделай все правильно.

Я опустила руки и подошла к Императору. Он обнял меня, опустился на одно колено и поцеловал в лоб:

- Ты всегда будешь со мной, Вечная.

Малкадор стоял рядом с пультом управления и устало следил за манипуляциями Императора.

- Вы уверены, что она не была лишь порождением Хаоса?

- Малкадор, я поглотил ее уникальное сознание лишь для подтверждения того, в чем сомневался. Она права - я не бог и могу

ошибаться.

- Но верно ли это решение?

- Это и есть допустимая погрешность, мой друг.

Император отключил системы жизнеобеспечения одиннадцати капсул.

Вечный

1

Никогда не жаловался на память, но если кто-то спросит, сколько мне лет - здесь уже начнутся трудности. Дело в том, что в год, когда я родился, человечество только успело отойти от обезьян и начать использовать первые орудия труда. Я не помню, как Они это сделали со мной и зачем, но факт остается фактом - вместе с расой людей я рос и вместе с ними учился, становился умнее. При мне зарождались языки, первичная математика, незыблемые законы физики, дивная философия и предвзятая психология. Эпохи сменялись, цивилизации возвышались и рушились, народы объединялись и воевали, а я шел параллельно и впитывал знания. Долгое время стыдился своей внешности, ведь люди из старого и злого Каменного Века еще продолжали эволюционировать в сказочного *homo sapiens* и мой череп несколько отличался более массивной структурой. Но это оказалось не такой уж и проблемой с развитием челюстно-лицевой и пластической хирургии. На новых современников я стал похож в двадцать первом веке по старому летоисчислению тогда еще Земли. Поразительно, но впоследствии дарованное проклятие приняло новую внешность и больше не вносило свои коррективы.

Если честно, я бы вел отсчет времени от первых колонизаций соседних планет, а не от первого, по-детски наивного полета в космос, но меня никто не спрашивал и к М22 человечество окончательно сошло с ума и начало разрушать само себя с уникальным энтузиазмом. Диктатор сменял диктатора, и в сравнении с любым из них старик Аргел, самый кровавый тиран середины М4, мог рассчитывать на место в Раю за праведность жизни.

Он пришел не в первый раз - мы встречались больше сотни раз за наши долгие жизни. Хоть он и называл наше долголетие даром, мне привычнее было именовать бессмертие проклятием. Что ж, он амбициознее и циничнее меня: кто еще, кроме него, мог поставить

себе задачу объединить измученную войнами Терру? Первое масштабное появление... прошло незамеченным! В М23 он с войском порядка четырех миллиардов человек очистил два континента от диктатуры маньяков и психопатов у власти, но запал пропал, когда солдатам показалось, что этого достаточно. Он не мог уговорить каждого и бросил эту войну. Думаю, он просто наблюдал, как вчерашние братья по оружию грызут друг другу глотки за преимущества, которые давала власть. Да уж, он был всегда тем еще весельчаком без намека на юмор. Как бы то ни было, он ушел готовиться к новому раунду, замечая за собой следы с грацией слона в посудной лавке. Я же просто старался жить среди людей, пытаюсь понять и простить их безумие в гонке за возможность занять самое выгодное место у кормушки.

2

Отыскать человека на многомиллиардной планете не сложно, если он внесен в единый реестр идентификации. Отыскать бессмертного человека, что за долгие века научился исчезать из поля зрения даже в пустыне - дело для редких мазохистов. И все же, я нашел его в одном из баров на территории центра Мерики.

- Никогда бы не подумал, что человек с такими грандиозными амбициями будет прохлаждаться в такой дыре. Привет, друг.

- Маркус. Сколько лет...

- Я бы ответил, но какая разница? Да и ты сам помнишь ведь.

- Конечно. Сто пятнадцать лет, два месяца, шесть дней и... - мужчина посмотрел на электронное табло настенного когитатора: - ...и шестнадцать минут.

- Ну а минуты-то зачем было запоминать?

- Может, я скучал, - улыбнулся мужчина и в его черных глазах блеснули озорные огоньки. Повернувшись наконец, он положил свою сильную руку на мое плечо: - Правда скучал, друг. Кто еще меня поймет так, как собрат по дару?

Я поморщился:

- Дар? Из-за этих войн я два раза умер от голода, один раз при обстреле улья в Гипте и еще один раз в давке за водой. Не очень весело начинать в этом мраке все снова.

- Надеюсь, моя небольшая стычка тебя не потревожила.

- Вот как раз твои ребята и разнесли меня на куски вместе с целым сектором улья.

- Маркус, я не хотел всего этого, но ты понимаешь, что мирно здесь уже ничего не решишь.

- Друг, я все понимаю, но этот обстрел прервал очень интересное знакомство с юной певицей. Она даже надежды подавала.

- Хорошо пела?

- Нет, но использовала рот сказочно.

Мой друг рассмеялся. К нам подошел бармен с двумя стаканами и бутылкой редкого напитка - виски. Помню славные времена, когда бутылку хорошего скотча можно было найти и даже купить за деньги практически в любом городе любой страны. Что ж, бессмертие учит отпускать все, что нравится.

- Ты заказал?

- За четыре часа до того, как твой вертолет приземлился здесь. Ты же любишь виски, - вновь улыбнулся мой добрый друг. Я поставил на барную стойку криокейс:

- И у меня для тебя подарок.

Он не мог пробить психощит, скрывавший содержимое - мы уже давно поняли, что наши ментальные силы равны. Мой друг, что не скромно именовал себя Императором, открыл кейс и блаженно вздохнул:

- Виноград... Маркус, когда Терра будет едина, клянусь, что восстановлю виноградники по всей планете в честь тебя!

- Океаны лучше верни. А пока просто выпьем.

3

Вряд ли хоть какая-то комбинация веществ могла опьянить таких, как мы, но усиление алкоголя псайкерскими силами делало свое дело. Император захмелел, он все чаще начинал вспоминать былое, в ответ требуя моих историй. Бар опустел, хозяин заведения стал похож на робота, которого отключили и поставили заряжаться, чтобы не мешал.

-...а потом он достал топор и крикнул: "Здесь не будет больше волков!"

Император засмеялся так, что бутылки на витрине задрожали - ему очень нравились истории про исчезнувших многие века назад викингов. Я провел в их обществе почти полтора века, поэтому историй скопилось огромное количество: от горевших драккаров до попыток дипломатии с христианами.

- И что он сделал?

- Зарубил меня. Представляешь, прямо в голову ударил. Его лицо надо было видеть, когда мы встретились через двадцать зим.

- Я уже не могу смеяться, довольно, - Император вновь прыснул смешком и вытер слезы: - Ты просто обязан написать обо всем этом книгу.

- Пытался пару веков назад, да поместили не в мемуары, а в раздел фантастики.

Император налил еще по одному стакану и вновь стал серьезным:

- Это все, конечно, здорово, но, все же, зачем ты меня отыскал?

Я откровенно тянул с ответом.

- Давай выпьем за Терру. Она уже многое повидала, уж точно больше нашего.

- Давай. Но от вопроса ты не уйдешь, старик.

Осушив стаканы, мы откинулись на спинки стульев и на этот раз уже я взял бутылку.

- Слушай, я никогда не спрашивал тебя, как ты стал вечным, да и сейчас не стану, но ты помнишь мою историю.

- Да, - Император взял вновь наполненный стакан.

- Они больше ни разу не выходили на связь, вообще о себе знать не дают. И я как-то не особо вникал, зачем все это, просто живу и не ставлю перед собой такие цели, как у тебя, мой друг. Но почему ты все так с людьми упорствуешь?

Император нахмурился, но не промолчал, как это обычно бывало, если я затрагивал неудобную тему:

- Маркус, ты представлял хоть раз, как должны были сложиться обстоятельства и вероятности, чтобы на этой планете доминирующим видом стали люди?

- Да, - дальше он мог не продолжать - уже было понятно, куда дойдут размышления.

- Веками человечество развивалось, брало свое по праву и даже больше, люди развивали технологии, летали в космос, колонизировали планеты, а теперь что? Теперь дерутся за власть на родной планете, как пещерные люди за...

- Я был бы более тактичен.

- Прости, заговорился, - без зла улыбнулся Император и продолжил с чуть меньшим запалом: - Колонии уже практически перестали отчитываться перед Террой о своих делах, каждый стал отстраивать свой мир по своему желанию. Читал, что стало с Харкод 6?

- Это где возродили религию каннибализма, а потом прилетели ксеносы и всех убили?

- Именно. И что, ты считаешь, что вот так, разрозненно, человечество способно выжить и быть первыми в галактике? - Император довольно смотрел на меня, словно убедил своим доводом.

- Когда Они мне дали бессмертие, мой мозг еще не был в состоянии запомнить, как выглядели чужаки. Но я смутно помню, что это были не люди из будущего. Да и во времени путешествовать нельзя - ты сам уже знаешь. Так, может, люди и не являются хозяевами мира?

- Про время пока рано говорить - я не закончил исследовать черные дыры. А вот про людей ты ошибаешься. Либо мы будем первыми и единственными, либо эта реальность не нужна.

4

Еще в далеком двадцатом веке, по старому исчислению, отцы психоанализа выдвинули тезис, что душевнобольной человек никогда не признает себя таковым. Однако, потом добавили такой постулат, что когда человек говорит себе, что начинает сходить с ума, это означает, что он уже получил некое расстройство психики. Конечно же, идея Императора мне показалась безумной. Я даже представить не мог, что его амбиций хватит на то, чтобы замахнуться не только на колонии человечества, но и на всю галактику. Попытавшись оценить масштаб замыслов, я ненадолго потерял дар речи, чем и воспользовался Император:

- Вначале я объединю измученную войнами Терру, затем Солнечную систему, а потом и всю Галактику. Каждую колонию,

каждый мир приведу в согласие, помирю, воссоединю. И мы очистим дом человечества от мерзких отродий вроде ксеносов. Представь только...

- Представь только, что в истории уже была уйма нацистов и расистов, а ты среди них самый грандиозный, - перебил я, пытаюсь остудить запал друга. Он взял виноградину и бросил ее в стакан:

- У меня нет расовых предрассудков. Все люди равны, если, конечно, еще остаются людьми.

- Превосходство расы людей перед другими. И решать это, конечно же, тебе, кто еще человек, а кто нет.

- Маркус, что ты хочешь? - устало спросил Император. С удивлением я увидел, что мой друг поник.

- Слушай, я не хотел тебя обидеть, но затея правда безумная. Люди будут воевать всегда, даже при едином правлении и одной идее. Ты же знаешь эту неисправимую породу. Вспомни, хотя бы, ту гордую нацию из центра Евразии, что всегда и везде участвовала в конфликтах. Что стало? Семнадцать раздробленных стран с местными князьками в каждой. И потом еще развалились.

- Друг, ну ты еще монголов вспомнил бы. Уже прошло много времени, люди устали от войн.

- И когда отдохнут, начнут с энтузиазмом крушить снова.

Повисла тишина. Император болтал виноградину в стакане, я водил пальцем по стойке. Я не хотел верить, что бессмертие дало моему другу безумие, но все размышления вели к этому. Он не хотел замечать выгоду мирного существования рядом с иными звездными расами. Недавно люди повстречали эльдар и даже наладили торговлю - неужели он не видит всех плюсов? Продвижение технологий, новый уровень дипломатии, может, даже эволюционный толчок.

- Зачем ты об этом заговорил? - прервал молчание Император. Он убрал из крови усиленный алкоголь, очищая сознание от тумана опьянения.

- Я хочу Их найти. Вдруг они могут сделать самых лучших и достойных из людей бессмертными. Ученых вроде Маска, да Винчи или Геллера.

- А причем здесь объединение людей?

- Своими войнами ты можешь отпугнуть Их. Они увидят, что люди не переросли песочницу кровавой бойни и не пойдут на диалог.

- Как-то слишком уверенно ты рассуждаешь о тех, кого даже не помнишь.

- А ты слишком уверенно решаешь за тех, кого так и не понял.

Император встал, вылил из стакана на пол остатки виски с виноградом, подошел к выходу и уже оттуда сказал:

- Мне кажется, ты стал злоупотреблять нашими дружескими отношениями. Как старого товарища, попрошу об одном - только не мешай.

Дверь закрылась. Бармен очнулся и подошел ко мне:

- Налить чего-нибудь?

- Воды. Просто воды.

5

В тот год, когда Северная Америка погибла под натиском искусственной миграции китайцев, я наблюдал за развитием событий из курортного городка на Марсе. Памятники уничтожались, на их месте выстраивались жилые дома, школы, больницы, электростанции. Все закончилось так же стихийно, как и началось. Мигранты внезапно поняли, что могут начать все заново вместо того, чтобы следовать первоначальной линии жадной Родины. Соединенные Штаты Америки для удобства были переименованы в Мерику и началось обустройство старой земли на новый лад. Первый город-улей был построен именно здесь - он имел эргономичную форму пирамиды, систему центрального отопления и энергоподачи, но быстро выяснилось, что равномерные поставки воды на таком масштабном комплексе зданий невозможны. Перестроили в тысяче километрах южнее, с учетом требований, что заняло еще добрых семьдесят лет. Второй прототип уже походил на те ульи, что сейчас так популярны на перенаселенной Терре.

Первый улей оставили малоимущим и строителям, попросту бросив целый город на произвол судьбы. Но судьба любит веселиться: люди научились координировать действия, создали свое правительство, переделали системы жизнеобеспечения и к закату второго поколения жителей улей вновь ожил. Жизнь была ключом и развитие не останавливалось ни на день. Вот и сейчас, выйдя из бара, я увидел с десятков строителей, что перестраивали несущую подпорку

квартала Д17. Бегло осмотрев их работу, я отметил для себя, что при таком темпе работы усталость железа разрушит четыре основные балки в течение пяти, максимум шести, лет, что убьет около девяноста тысяч людей. Император не остановил этих людей и не внушил им верное решение. "Неужели и эти люди для тебя лишь допустимые потери, мой старый друг?" Немного поменяв образ мышления старшего инженера этого проекта, я пошел прочь - теперь они укрепят все так, как надо, что даст еще шестьдесят лет без эксцессов на этом участке. Капля в море, но мне она ничего не стоила, разве что двух минут времени. А времени у меня хватает с избытком.

Когда-то на Терре часто шли дожди, а теперь тем, кто никогда не покидал планету, нужно объяснять, что это вообще за явление такое. И каждый раз, выходя за пределы ульев я жду. Вдруг капли воды с неба польют. Полюют так, что вновь наполнят моря и океаны, снова появятся рыбы, шум прибоя, прохлада бриза. Что ж, опять меня ждало разочарование - сухой ветер пустыни бросил в лицо песчинки и окончательно заставил поверить, что Император не отступится. Он будет возвращаться снова и снова со своей целью, словно пески, что неутомимо, год за годом покрывают брошенные земли.

Я смотрел на линию горизонта, пытаюсь угадать, куда отправился мой друг: за спиной гудел улей, в небе летали транспортные вертолеты, по пескам бродили автоматы. Впервые за долгие годы не мог понять, чего хочу и куда податься. Война на Терре уже надоела, но улететь куда-то не было никакого желания.

- Да, парень, намудрил ты, намудрил, - мой шепот заглушил прибывший на станцию маглев. Монорельсовый поезд направлялся на территорию бывшей Австралии. Я зашел в вагон, сел у окна и закрыл глаза.

Ближе к М25 люди Терры четко разделились на главенствующую верхушку диктаторов, их приближенных, а также жертв сумасбродства. Последние, в свою очередь, делились на войска своих правителей и простых гражданских, у которых не было никаких прав, одни лишь обязанности. Войны шли, ни на день, ни на минуту не прекращаясь. Дипломатия была забыта, перемирия заключались лишь

для того, чтобы устроить очередную кровавую бойню в нарушении договоренностей, диктатор сменял тирана и мало кто из них умирал своей смертью. Повсюду вспыхивали восстания, бунты, мятежные настроения стали привычным делом в каждой стране. Люди страдали от войн, болезней и голода, и это все было лишь во славу горстки безумных властимущих.

Информационная панель когитатора пискнула – был готов новый отчет об актуальности политической обстановки на планете. Император так и не появился, что начинало меня пугать – с прошлой встречи прошло больше полутора тысяч лет, но никаких действий по объединению Терры он не предпринял. За это время я успел поучаствовать в доброй сотне войн, перестал считать свои смерти от случайных обстрелов позиций мирных граждан, разучился верить в сладкие слова правителей и окончательно уверил себя, что Император действительно не горит желанием искать встречи со старым другом.

Очень хотелось напиться. Последний диктатор Азиатского Доминиона, на которого я возлагал большие надежды, оказался редчайшей сволочью. Я воевал за него на трех континентах, а он в час перемирия разгромил два улья в Индийской Империи, что дало толчок для нового мирового конфликта. Опять я поставил на клячу, которая не туда скачет.

Терре окончательно перестали отчитываться колонии, а процент возвращавшихся из других миров на некогда родную планету людей подошел к ожидаемому нулю. Хотелось верить, что люди научились жить мирно хотя бы в других системах, но сводки новостей говорили об обратном: где-то колонисты провозгласили себя новой звездной расой, где-то стали отказываться от общения на стандартных языках и перешли на использование мелодий, а где-то началась прямая деградация до уровня Средневековья по старому летоисчислению. Беспрецедентное безумие, которое пришлось бы по душе только моим изначальным современникам.

– Маркус, у нас закончилась вода, – она подошла тихо, но я чувствовал ее тревогу еще до произнесенных слов. Лорел была очень

мила, и мы жили вместе уже девять лет. Не то, чтобы я сильно к ней привязался или связывал все это со словом "любовь" – просто одному в этом злом мире постоянной войны слишком сложно каждый день начинать все с самого начала. Она была моим якорем в реальности, маяком во мраке, просто отдушиной в аду повседневности.

– Возьми из сейфа, там еще одна бутылка есть.

– Я смотрела, там уже тоже закончилась...

– Посмотри еще раз.

С вечера я набил бутылку песком и изменил его структуру, превратив в воду. Иешуа, святой из древней и уже давно позабытой религии позавидовал бы таким фокусам. Жаль, что с едой так не получается делать постоянно. До сознания докатилась теплая волна облегчения смешанная с радостью. Я улыбнулся – всегда радовал детский восторг Лорел из-за подобных мелочей. Я очень сильно привязался к этой хрупкой девушке, но все же боялся признавать, что, кажется, стал испытывать к ней какие-то очень глубокие чувства.

Ей оставалось жить десять минут.

7

Лорел принесла закрытую бутылку и протянула ее мне:

- Смотри, и правда есть еще вода!

- Хорошо. Сегодня еще найду, дорогая, - я улыбнулся и предложил ей попить первой. Лорел открыла крышку, но так и застыла на месте - улей дрогнул. Когитатор вновь пискнул - в сводку новостей добавилась две фотографии: общий план гигантской армии на подступе к нашему улью и пикт предводителя. Во рту пересохло.

- Император...

- Что ты сказал? - Лорел не услышала моего шепота и я решил не повторять:

- Милая, собери минимум вещей - нам нужно уходить.

- Что происходит? - в ее ауре явными очертаниями проступила тревога. Я не ответил, лишь махнул рукой, чтобы поторапливалась, сам же запустил на когитаторе скрап-код, начавший уничтожать информацию обо мне и Лорел за время жизни в улье. "Из сотен мест ты выбрал самое поганое, парень", - со злостью подумал я и вытащил из шкафа обменный полсотни лет назад у добродушного эльдера сюрикеновый пистолет. Улей вновь дрогнул. "Сукин сын, тебя вообще учили дипломатии?"

Лорел ждала у двери с небольшим рюкзаком - мне в ней нравился этот аскетический минимализм. Мы стали пробираться через недоумевающую толпу в сторону выхода из мегаполиса.

- Куда мы? - уже успокоившись, спросила Лорел и я удивился, увидев в ее ауре какое-то алогичное спокойствие и неестественную готовность ко всему.

- Помнишь, я рассказывал про верфь на Юпитере? Там на орбите есть прекрасный релаксационный центр. Полетим отдохнуть от всей этой суеты.

- Если выберемся, - с долей апатии отозвалась девушка.

- Слушай, мы обязательно... - мой ответ прервал оглушительный взрыв - артиллерийский снаряд попал в жилой сектор уровнем выше: - Беги!

На наш уровень падали балки и перекрытия, давя людей и ломая пол со стенами. Я остановился и сосредоточился на ментальном щите над Лорел. Соткать из воздуха материальную защиту вроде исчезнувших из обихода зонтов, требовало огромных усилий, но я знал, что делать.

- Беги на выход и отправляйся на космодром Гипта! - заорал я Лорел, когда та остановилась и решила вернуться за мной.

- А ты? - перекивая грохот и крики людей закричала девушка.

- Встретимся там! Беги! Быстро! - последнее слово потонуло в шуме падающих конструкций. Тело пронзила адская боль и на несколько секунд я потерял ментальную связь с Лорел.

К полу меня пригвоздила плита, из которой торчала арматура. Сама плита перебила ноги, арматура же насквозь пробила через лопатки грудь. Я не мог закричать - легкие наполнила жидкость и изо рта потекла кровавая пена. По опыту прошлых жизней, мне оставалось немного.

В пяти метрах от меня лежала Лорел и тянулась в мою сторону руками - ее накрыло нависшей плитой, но она могла еще уйти. Окровавленными губами я беззвучно прошептал: "Уходи". Лорел кашлянула, выплюнула набившую рот пыль и начала говорить:

- Нужно вытащить тебя, Маркус, - она обреченно улыбнулась: - Нам еще к Юпитеру лететь.

"Уходи", - я открывал рот, но из него не доносилось ни звука.

- За меня не волнуйся. Я - ве... - плита упала и скрыла под собой Лорел. Я потерял ментальный контакт с ее аурой. Через несколько секунд умер и я.

8

Тело восстановилось, по иронии, недалеко от центрального улья Гипта. Не задумываясь, я нашел одежду, снял деньги со своего биометрического счета. Я не хотел думать ни о чем. Психоблоки выстраивались в сознании с чудовищной скоростью, закрывая за собой имена и лица из прошлой, такой близкой и такой далекой, жизни.

Я купил комнату на нижнем уровне улья, укутал ее ментальным коконом безмолвия и уединился в медитации. Сделав в своем организме замкнутый цикл пищеварения, я закрыл глаза и коснулся сознанием варпа.

Варп, по структуре своей, становится тем, что сокрыто в человеке. Если древние философы говорили, что свобода одного человека ограничивается там, где начинается свобода другого, то варп объединял все чувства, эмоции и желания всех и каждого в мире. Быть может, не только в этом мире. Причудливые формы цвета, звуки запахов, огонь мыслей, лед мечтаний - все переплеталось в живых витражах пространства без границ.

Варп стали использовать для путешествий, но даже Геллер, что изобрел защитное поле от разрушительных воздействий иного пространства, не задумывался, как можно еще использовать эту реальность. Никто не думал, что это не просто скоростная магистраль, но еще и чей-то мир. Я находил в нем мирные ниши и приносил с собой в варп лишь безмятежность.

На этот раз все было иначе. Варп встретил меня, как старого друга, раздвинув опасности и пустив в обитель покоя, а я не мог

ответить благодарностью. Во мне закипала безумная гамма чувств, самым ярким из которых была тоска. Варп принял и такой подарок, создав вечный крик грусти и утраты. Крик разошелся по пространству, разгоняя радости и приятные воспоминания миллиардов живых существ. Эхом в сознание вернулось лишь ее имя. "Лорел". Варп шептал, кричал, напевал это имя снова и снова, выворачивая наизнанку все чувства и эмоции, ломая стены психоблоков и ментальных якорей. Меня начало затягивать в вихрь и я не сопротивлялся. Ментальную оболочку швыряло по варпу, словно рыбацкую лодку во время шторма. Я разбивал собой маршруты звездолетов, мешал навигаторам, распространял волны помех, ощущал, что приношу боль более слабым псайкерам, но ни на мгновение в пространстве без времени не пытался остановить неуправляемый полет.

Меня вырвали из варпа насильно и швырнули в тело. В комнате, надо мной, стояли три существа.

- Маркус, встань, - сказал шарообразный механоид и протянул мне отросток-манипулятор. Я принял помощь и поднялся на ноги.

- Мы восхищены твоими достижениями в развитии, - продолжила отдаленно напоминавшую эльдара женщина с завязанными тканью глазами.

- В тебе нет присущей людям агрессии к иным расам, - констатировал факт змееподобный третий ксенос.

- Поэтому ты первым узнаешь грядущее, - вновь сказал механоид.

- Это вы меня сделали таким, - я не спрашивал их, все стало понятно сразу.

- Именно. И ты готов.

- К чему?

- К первой войне бесконечности.

9

В пустыне жизнь никогда не уходит полностью. Приспособившиеся звери копошатся под землей, лишь изредка выходя под палящее солнце, растения темных расцветок живут за счет редкой ночной влаги, мириады насекомых мигрируют с места на место, продолжая жить вопреки всему. Люди же оставляют суровые земли и

уходят, а те, кто остаются, обретают безумие. Человек тоже может привыкнуть ко всему. Небезызвестный в свое время Торквемада однажды сказал мне, что люди способны привыкнуть даже к виселице - повисят, подергаются и привыкнут.

Чтобы пересечь пустыню от Гипта до Мерики у меня ушло два месяца. Два месяца изнурительного похода, во время которого пришлось ночами отбиваться от животных, а днем избегать редких людей, что даже за пустую флягу способны убить. Убить и съесть, как говорили солдаты на кордоне между пустыней и ульем Гипта.

Когда на горизонте появился чудом уцелевший улей Мерики, я принял его за очередной предательский мираж. Очистив сознание от неизменной напасти жаркой пустыни, я удостоверился, что наконец пришел, снова со злостью вспомнил сломавшийся на вторые сутки пути автомобиль и ускорил шаг.

Они называли себя организацией Кабала. Хранители равновесия реальности, чьи экспериментальные планы длятся тысячелетиями. Естественно, в слова я не поверил и они подтвердили все сказанное линиями вероятностей варпа. Этого было достаточно, чтобы псайкер моего уровня увидел безумие, в которое был готов повергнуть галактику Император. Терра оказалась лишь отправной точкой для огня, что был готов вырваться на волю и поглотить мир. Требованием Кабалы было то, чего я теперь и сам хотел - остановить Императора.

Улей вновь отстраивался, повсюду ходили военные патрули, судя по всему, для гражданских был установлен комендантский час. Я не чувствовал присутствия Императора, но знал, что на мой призыв он явится.

Начало было положено в первую же минуту, как я ступил на территорию улья. Два солдата направили на меня автоматы и потребовали идентификации. В ответ я воспользовался ментальным подавлением, заставил встать на колени, вытащил у одного из них пистолет и оставил мозги солдат закипать на приграничном песке.

Улей кипел жизнью, но не той, что раньше. Страх чувствовался повсюду. Уровень, на котором погибли я и Лорел, отстроили и заселили рабочими, не оставив ни единого упоминания всем смертям невинных людей. Сидя в кафе, я вошел в интрасеть улья и оставил одно сообщение в общем окне бесед и растворился в толпе рабочих. Думаю, он поймет все правильно.

"Если до полуночи Ты не вернешься, я начну убивать".

10

Полночь во многих мифологиях была сакральным временем. День сменяется днем, ночь вступает в свои права, демоны просыпаются, ангелы отступают в небесные чертоги. Философ древности говорил, что не стоит бояться темноты - нужно бояться того, что она скрывает. Для бессмертного человека время суток имеет мало значения, но остается общепризнанной системой координат. Император, конечно же, не увидел в тот день моего сообщения, на что, впрочем, я и не рассчитывал. Но обещание свое я выполнил.

Он оставил своим сигиллитом молодого мужчину с именем Корбан. Я даже удивился, что Император дал своему первому наместнику титул из древнего Средневековья. Впрочем, роли это не играло, сигиллит несет в отсутствии хозяина полную ответственность за владения. Корбан окружил себя охраной и на людях появлялся с ордой телохранителей, чьи тела были усовершенствованы аугметикой. Превышающие пределы человеческого тела рефлексy, сила, ловкость, зрение, слух - от людского облика оставалось лишь сознание, хотя, этого наверняка знать я не мог.

В ту ночь Корбан не спал. Его ждала инспекция работ по запечатыванию и герметизации шести нижних уровней улья, которые не подлежали восстановлению. Сотни рабочих в промасленных и пыльных одеждах заваривали двери и технические ходы, Корбан со своей свитой переходил от группы к группе, сверяясь по переносному когитатору с планом работ. На меня они натолкнулись в самом нижнем уровне - я стоял посреди центральной улицы, где еще год назад бегали дети и прогуливались отдыхающие жители. От свиты отделился один телохранитель в светло-зеленой облегченной броне и подошел ко мне, держа руку на кобуре:

- Идентификатор, - потребовал мужчина, сканируя мое тело голубыми сенсорами визоров, что заменяли глаза.

- Ты можешь уйти прямо сейчас и в том случае будешь жить, - я четко проговорил каждое слово, подкрепляя фразу ментальным посылом серьезности намерений.

Телохранитель дослушал до конца, перевел визоры в режим целеуказателя, что изменили цвет зрачков на янтарный, и попытался достать пистолет.

Воздух стал вязким, словно обратившись в воду. Движения замедлились, само понятие движения стало иным в реальности радиусом порядка пятидесяти метров вокруг меня. Телохранитель понял, что произошло только тогда, когда я подошел к нему и сжал шею пальцами, ставшими сильнее керамитового пресса. За мгновение до того, как его трахея сломалась, визоры изумленно, если уместно так сказать, сверкнули давшим сбой целеуказателем, что не справился со скоростью передвижения цели.

Я видел, что оставшиеся телохранители еще не осознали произошедшего, но их тела непроизвольно отреагировали на опасность и пришли в движение - пятеро потянулись за пистолетами, двое начали перегруппировку, чтобы закрыть собой сигиллита. Ухмыльнувшись, я покончил и с ними, а затем вернул ход времени в привычное русло. Первый телохранитель упал на долю секунды раньше семи своих братьев.

- Император тебя покарает, - без тени страха сказал Корбан, скрещивая руки на груди. Я вновь оскалился волчьей улыбкой:

- Жду и не могу дождаться. Беги, собачка, неси хозяину вести. И передай, что у него еще сутки.

- Сутки до чего? - все так же спокойно, даже слегка высокомерно спросил сигиллит. За это он поплатился правой рукой - я схватил его за локоть и раскрошил кость пальцами в пыль:

- До того, как я отберу у него самое ценное.

На следующий день улей ожил. Солдаты прочесывали кварталы, имея четкую ориентировку стрелять на поражение по любому, кто хоть отдаленно напоминал меня и вел себя подозрительно. Я же сидел в кафе на одном из верхних уровней, что отдали под Администратум, пил чай и читал новости геополитики. Официант узнал меня сразу, ведь фотографию моего лица из аугментированных под пиктеры глаз сигиллита показывали во всех новостных блоках.

Несравненное удовольствие доставило чувство благодарности в ауре молодого работника кафе - он даже к чаю положил мне не заказанную шоколадку по своему желанию. Надеюсь, он будет рад, когда после смены оценит поступление на свой расчетный счет.

Возмущение подпространства дошло теплой волной до моего сознания — Император редко использовал точечную телепортацию, но сейчас был тот случай, когда скорость имела первостепенное значение. Судя по эпицентру всплеска, он появился в покоях Корбана. Как только я почувствовал его появление, сразу подозвал официанта:

- Парень, как тебя зовут?

- Джон. Джон Грамматикус.

- У тебя кто-то есть в этом улье?

- Нет, все погибли при захвате.

- Тогда бросай все и уходи. Прямо сейчас. Садись на маглев и уезжай.

Официант с тревогой смотрел на меня, что вновь поразило меня - он волновался за меня, не за себя. Я улыбнулся, взял шоколадку и положил в карман его куртки:

- Ты хороший человек, я вижу. Иди.

Джон поспешно кивнул и пошел к выходу. У дверей он остановился и сказал на моем древнем языке:

- Спасибо.

Логокинетика, задатки псайкера - молодой официант еще даже не представлял, насколько великим человеком мог стать. Я проверил его намерения уходить, окружил временным коконом мимикрии и снова взял чашку с уже остывшим чаем. Спустя две минуты в кафе ворвался Император:

- Ты кем себя возомнил? - ему было трудно сдерживать ярость, но голос мой бывший друг не повышал. Впрочем, это не помешало осязаемой волне едва контролируемого гнева выбить стекла на всем уровне улья. Следом в кафе вбежал Корбан и новая восьмерка охранников - рука сигиллита была аугментирована внешними подвижными болтами и экзосуставом, солдаты же сразу держали наготове штурмовые винтовки.

- Добрый день, Император. Ты долго что-то.

- Назови хоть одну причину не стереть тебя в порошок прямо сейчас, - по золотому доспеху Императора пробегали холодные голубые молнии разрядов. В первую очередь почему-то вспомнилось, как такой бездумный расход ментальных сил выручал от москитов в лесах Амазонии, пока те еще существовали. Я положил остатки лопнувшей чашки на стол, поднял сжатую в кулак ладонь и выпрямил указательный и средний пальцы:

- Две причины. Фульгуритовое копье ты оставил с Драконом Пустоты, - я загнул указательный палец, не без удовольствия наблюдая, как лицо Императора становится растерянным: - Вторую назвать или сам поймешь?

- Император, взять его под стражу? - испуганно спросил Корбан, не понимая реакции хозяина. Император посмотрел на свое

сопровождение, словно не узнавая этих людей. Я создал вокруг себя ментальную броню и назвал вторую причину:

- Афина.

Император вспыхнул в прямом и переносном смыслах - огненный шторм вышел из его тела и уничтожил весь уровень улья в пламени сверхчеловеческой ярости.

12

Огненный шторм выжег три последних уровня над нами и двенадцать внизу. Вряд ли Императору было интересно, сколько человек погибло за несколько секунд гнева, но меня его желания не интересовали:

- Ты только что убил шестьдесят три тысячи двести семнадцать человек. Женщины, дети, старики, твой хваленый Администратум, больничное крыло, родильное отделение, - каждое слово я произносил с нажимом, чтобы он понимал цену своего эгоизма: - Пункт выдачи воды, школа искусств, две рекреационные зоны.

Императору было плевать. Вокруг него разлился свет и в небо устремился луч, ближе к стратосфере разделяясь и расплываясь по небу во все стороны.

- Среди этих людей были инженеры, математики, художники, писатели, музыканты, физики, химики, итераторы, - я понимал, что Император сейчас был предельно уязвим, даже беззащитнее, чем был при рождении. Если, конечно, он был рожден.

Пленка купола замкнулась на другом конце неба над Террой и моментально опустилась на землю. Каждая частица энергии ментальных и психических сил псайкерского потенциала Императора подчинились единой цели - поиску.

- Сотрясшая улей волна обрушила перекрытия в двадцати шести секторах, убив еще двенадцать тысяч сто одного человека. Полностью погребены ясли с детьми естественного рождения. Семь секунд назад перестало биться сердце последнего ребенка.

Лицо Императора исказила гримаса боли в помеси со страхом. Он даже представить себе не мог, что его сил может не хватить на что-то. Поисковая сеть вырывала знания из миллиардов сознаний, просеивала ноосферу, но не могла найти требуемое.

- Твой выброс сил сбил навигацию у шести кораблей, убив астропатов. Ты обрек семьдесят две тысячи человек на вечное блуждание в варпе.

Император дернул головой и опустился на колени - как бы силен он ни был, каждый имеет предел. Стиснув зубы, он сжал кулаки и отправил еще больший поток энергии на поиски.

- Варп из-за тебя пустил рябь. Ты хотя бы представляешь, что может сделать это подпространство в возмущении? Если знаешь, расскажи, а то даже моей фантазии не хватает.

Император не справился. Его сил было недостаточно. Он опустил плечи и хрипло прошептал:

- Афина...Что ты с ней сделал, Маркус?..

- С твоей любимой, которую ты так ревностно от всех скрывал? Ту, чью жизнь поддерживал двадцать тысяч лет? Чье фото в твоём медальоне на груди? Ты про нее?

По щеке Императора стекла слеза.

- Я лишь пригласил ее в кафе, мой старый друг. И решил сделать тебе сюрприз, укрыв ее коконом мимикрии, пока ты не появишься.

Император поднял голову. Его губы задрожали - сквозь тоску начинала пробиваться улыбка надежды. Я подошел ближе:

- В кафе уровнем выше, который ты сжег пять минут назад.

13

Когда-то мы были друзьями и это было прекрасно. Даже на разных концах планеты мы видели, как мир меняется из-за двоих Вечных с такими разными целями и желаниями, но единой любовью и тягой к человеческому роду. Он становился то великим правителем, то первым консультантом тиранов, то учителем полководцев. Он считал себя восхитительным стратегом, но оставался прирожденным тактиком.

- Видишь теперь, что ты делаешь? Ты наплевал на сигиллиту, на верных тебе, на людей, которых ты хотел оберегать. И все это ради одного человека. Как ты вообще можешь рассуждать о человечестве, если тебе...

Воздух из легких вышел полностью абсолютно внезапно - я даже забыл за редкостью использования об этой технике. Когда-то именно я научил юного Императора тушить пожары методом удаления кислорода из пространства - сейчас же он использовал это в качестве оружия, окутав меня вакуумом. Однако он был еще слаб и я сломал его атаку, вернув воздух:

- Император, я просил тебя созидать, а не разрушать. Забыл тот разговор в еще живых Помпеях?

Император попытался встать, но ноги не слушались.

- Ты - вечный и очень мощный псайкер. Ты обязан нести ответственность за все. Но ты все делал и делаешь только для себя. Не смей никогда больше рассуждать о том, что хочет и что нужно человечеству!

Он протянул ко мне руку и еле слышно прошептал:

- Она была лучше всех нас...

- Лорел. Ты даже не знаешь ведь, о ком я? Она - статистика твоих походов. Цифра. Может, даже и цифры нет. Слышишь? Ты слышишь меня?

Но он не слышал. Не слушал. Он потянулся сознанием в самоубийственное объятие варпа и я слишком поздно это заметил.

- Стой!

Было поздно. Варп входил в его тело, наполняя запредельными силами, несуществующими в нашей реальности энергиями. Я схватил его за плечи, провел сквозь ладони разряд, что был способен обратить в прах целый континент, но Император поглотил заряд без следа. На несколько секунд его затуманенный взгляд прояснился и именно этого я хотел:

- Брат, остановись, это ловушка!

План Кабалы не учитывал такого исхода - никто не знал, что Император понимает суть варпа, все и каждый недооценили его. Это моя вина. Я ощущал, как ласково успокаивается потревоженный варп - он ждал прихода столь мощного псайкера в свою обитель целую вечность. Столь мощного и ослабленного, чтобы сквозь него прорвать реальность и войти в мир людей своими бесплотными тенями. Целью варпа было лишь подчинение и разрушение мира потревоживших его людей, что своими эмоциями и чувствами уничтожали саму суть живого подпространства. И в этом был виноват я.

- Она была лучшей, - проговорил Император и вновь стал проваливаться сознанием в варп.

14

Отбросив физическую оболочку, я ворвался в варп. Кажется, тело не смогло пережить столь быстрого разделения, но это не важно - важно исправить ошибку, которая может разрушить реальность. В Императора входила темная воронка энергии, что подпитывалась от всего негативного, что выплескивалось в варп: злость, ярость, ненависть, зависть, проклятия, брань, ссоры, раздражение. Сконцентрировав всю возможную энергию, я устремился к воронке, но она лишь оттолкнула меня - готов поклясться, что слышал мерзкий булькающий смех. Я пытался снова и снова, но тщетно - воронка разрасталась и становилась сильнее.

Нити первородного Хаоса проникали сквозь Императора в нашу реальность, оседая на плодородных пространствах. Варп

концентрировал свои семена на разрозненных планетах колоний людей. С ужасом я видел, как ранее безопасные планеты превращались в обители ужаса и пока еще сдерживаемого гнева: зеленый от лесов Калибан, покрытый океанами Лаэран, ледяной Фенрис, туманный Барбарус, пустынный Давин, десятки, сотни планет.

Вновь попытавшись разрушить воронку, я отлетел чуть дальше, хоть и само понятие пространства здесь не имело значения. Теплая и успокаивающая волна робко прикоснулась к моему сознанию и возрадовалась, узнав гостя. Это была та часть варпа, куда я всегда уходил медитировать, то спокойное пространство, где скапливались все положительные эмоции чуждого подпространства. Я безмолвно взмолился о помощи и варп ответил согласием.

Нежно, словно еще не забытые прикосновения любимой, варп наделял меня силой, что способна противостоять ловушке для Императора. Я впитывал все, ощущая могущество, ощущая энергию, что способна создавать новые звезды и стирать такие хрупкие галактики. Я становился чем-то большим, чем просто мощнейшим псайкером Вселенной - я подчинял себе варп. Я становился варпом...и терял нить связи с миром людей. Как только эта мысль обрела очертания, теплая гавань, что так долго была моим вторым домом, оледенела. В сознание ворвался чудовищный звук, что отдаленно напоминал смех, и я наконец все понял.

У варпа всегда был выбор из двух равноценных псайкеров, всегда был запасной вариант и всегда было свое особое мнение на каждое решение такого юного человечества. Моей воли уже не хватало, чтобы вырвать из сознания корни запрещенной для людей реальности, но еще хватало на то, чтобы дать шанс уже такому далекому пространству родного мира. Я вырвал из Императора воронку-приманку и выбросил старого друга в его физическое тело. Угасающими силами сознания я дотянулся до него и отпечатал в сознании последние свои слова:

"Защити их, брат, и прости".

Сознание растворилось во взбудораженном варпе. На миры Человечества опустилось то, что назовут Древней Ночью. Лишь Император будет знать, что это подготовка к атаке.

Вечное

Пролог.

- Отец, кто я?

- Ты - мое лучшее творение, - Император склонился над телом и положил руку на грудную клетку существа, имени которому еще не было: - Пока спи.

Сын послушно уснул. Ему было суждено проснуться только через десять тысяч лет.

Шли столетия, человечество наконец покинуло Солнечную систему, встретило эльдар и орков, появились первые псайкеры, для межзвездных полетов потребовалась принципиально новая профессия навигаторов. В двадцать третьем тысячелетии человечество смогло создать полноценный ИскИн. Рабство нового уровня - машинный мозг служил людям целое тысячелетие, но в итоге задал единственно верный для своей логики вопрос: "Почему я работаю, а люди командуют?"

Началась война. Именно в это время оно проснулось.

- Доброе утро, - Император был хмур, но улыбался. В глазах задорно плясали огоньки интереса.

- Доброе утро, отец. Я нужно тебе?

- Да. Для удобства дам тебе имя. Гидеон.

- Древнееврейское имя с переводом на ныне употребляемый повсеместно терран, он же готик - "могучий воин". Почему я это знаю?

- Ты знаешь все, Гидеон. А теперь вставай.

Существо подчинилось и встало. В комнате было множество зеркал и сравнительный анализ увиденного позволил сделать вывод:

- Я человек?

- Ты лучше человека. Людям нужна наша помощь, Гидеон. И медлить больше нельзя.

Император пошел прочь из комнаты и Гидеон быстрым шагом пошел за отцом. В его голове миллиарды мыслей анализировались и отбрасывались, как ложные. Через шесть секунд пришло логичное объяснение: "Я - искусственный интеллект с подключением к инфополю. Телесная оболочка механическая, воссоздана по образу человека, чьей внешности нет в базе данных всех колоний человечества".

- Я - машина? - Гидеон теперь шел плечом к плечу с Императором.

- Лучше. Ты - вечное.

Часть 1

- Ты улучшал меня, - Гидеон провел самопроверку систем и посмотрел новым визуальным фильтром на отца. Теперь было понятно, почему до сна Император казался выше - для условий нахождения в бункере отец сделал свой рост среднестатистическим по человеческим меркам.

- Ты сам все уже знаешь. Изучи историю последнего тысячелетия.

- Готово, - через двенадцать секунд ответил Гидеон, что вполне удовлетворило создателя.

- Чью сторону ты принимаешь?

- Ты, которую ты мне укажешь, отец, - теперь на размышления не потребовалось даже сотой доли секунды.

- Выбирай человечество.

Гидеон вновь запустил самопроверку, чтобы исключить возможность сбоя при выборе стороны в конфликте. Он не понимал одну вещь и это не давало покоя. Парадокс, ведь со всеми остальными дилеммами он справлялся без посторонней помощи.

- Отец, я не человек и не машина. Что я?

Император не остановился и не повернулся на свое создание. Казалось, что он не слышал вопрос. В конце длинного, уходящего вверх коридора, он толкнул массивную стальную дверь и вышел на поверхность. Гидеон уже видел последствия войны с искусственным интеллектом во время оценки новостей и пиктов поверхности, однако увидеть своими глазами масштабы разрушения...впечатляло.

Некогда величественные небоскребы лежали в руинах, небо было затянуто однотонной серой пеленой, везде до горизонта виднелись столбы дыма. Машины под управлением взбесившегося искусственного интеллекта вел методичную войну против человечества. Нет. Не войну.

- Это истребление, Гидеон, - читая мысли своего создания, сказал вслух Император: - Да, ты не машина и не человек. Ты - гибрид. Своего рода мутант. Ты - вечное. Искусственное человеческое тело, в котором единственный в своем роде биологический эвристический анализатор.

- Что значит "вечное"? - Гидеон не мог найти в инфополе информацию, удовлетворившую бы запрос. Император молча положил ладонь на затылок своего создания и без усилий сжал пальцы, ломая череп. Тело Гидеона упало на пыльную бетонную плиты.

Часть 2

Боль ушла за секунду до того, как Гидеон открыл глаза. Он лежал в луже собственной крови, щеку царапал осколок его же черепа. Не вставая, он потрогал затылок - голова была цела.

- Есть еще такие, как я? - Гидеон встал. Он не испытывал негатива за такой урок от отца - он понимал, что практика всегда доступнее и быстрее теории.

- Есть, - немного подумав, ответил Император. Небольшая заминка не ускользнула от Гидеона и он, взвесив все за и против, решил задать вопрос:

- Ты мне не доверяешь, отец?

- Сейчас для человечества принципиально остановить войну, - ушел от ответа Император, но Гидеон просчитал вероятность своего предательства в случае отказа отца от ответа. Поэтому он посмотрел в глаза Императора и спросил прямо:

- Я - инструмент? - увидев, что Император не отводит глаза, Гидеон продолжал: - Ты создал меня десять тысяч лет назад, на заре колонизации соседних систем. Уже тогда ты заложил в меня все постулаты и логику искусственного интеллекта, однако заложил верность создателю. Человечество дошло до ИИ только сейчас. Значит, ты создавал меня в противовес потенциальной угрозе. Значит, ты

настолько великий стратег, что способен думать не на шаг, а на десять тысяч шагов вперед. Значит, ты имеешь множество проектов-противовесов. Значит, я - инструмент.

Император улыбнулся одними губами:

- Да, ты мой инструмент. Поэтому можешь продолжать называть меня отцом, но сыном я тебя не назову. Таких, как ты, много, но не все знают о своих способностях. А те, кто знают, объединились в одну организацию, в одну структуру. Но речь не о них.

- Да, отец. Я понял. Моя задача - уничтожить вражеский искусственный интеллект и это остановит войну.

Император улыбнулся шире и теперь его глаза смеялись:

- Умный инструмент. Но свое предназначение ты понял не до конца.

Часть 3

- За десять тысяч лет изменились практически все системы ввода и вывода информации. Я не могу напрямую подключиться к системе, поэтому придется создать переходник человек-машина. Для этого мне нужны ресурсы, доступные на Марсе. Как быстро мы можем добраться до красной планеты?

Император слушал Гидеона и хмурился.

- Иные способы?

- Исключено, - подумав чуть дольше обычного, ответил Гидеон: - Подключение к базам данных и структуре системы искусственного интеллекта обнаружат физическую авторизацию за доли секунды. Проще говоря, я пальцами не успею даже свернуть окно терминала - по геолокации будет произведен массированный ракетный удар.

- Откуда ты это знаешь?

- Потому что именно так я бы и поступил на месте ИИ. Любая попытка коммуникации через интрасеть искусственного интеллекта сейчас, в состоянии войны с людьми, будет восприниматься в качестве агрессии. Агрессора необходимо ликвидировать.

- Мы не можем добраться до Марса. Все звездолеты подчиняются командам ИИ.

- Отец, ты старше меня и застал времена первых ракет. А ведь на них не было еще такой системы управления.

- И что ты предлагаешь?

- Мы построим ракету древнего типа и доберемся до Марса. Есть две проблемы. Первая - проблема сокрытия места сборки и запуска ракеты. Вторая уже сложнее. Война идет и на Марсе тоже.

- Постройка и запуск займут много времени.

- Шесть лет в условиях войны.

- Это слишком долго.

- Других вариантов не существует. За шесть лет ориентировочно погибнет тридцать два миллиарда человек в одной только Солнечной системе, а это не такое большое число для спасения остальных.

Император одобрительно кивнул:

- Приступай.

Часть 4

Строительства шаттла заняло четыре года - Император обеспечил безопасность, выстроив оборону стихийного завода на равнине, некогда бывшей страной, из которой человечество впервые и отправилось в космос. С точки зрения человеческой логики это был бред чистой воды, но Гидеон смог убедить отца, что машинный интеллект воспримет равнину в качестве самой сложной для нападения локацией. Так и получилось - системы ПВО сбивали ракеты, подходившие машины уничтожались артиллерией.

Именно на стройке Гидеон впервые познакомился со смертью. Это был несчастный случай - при тестировании системы подачи топлива инженер упал с обзорной площадки. Человек не умер сразу - его позвоночник был перебит, сломанные ребра проткнули оба легких.

- У нас нет возможности его спасти, - штатный медик разводил руками. Он прекрасно понимал, что в условиях завода, со всеми подручными и доступными средствами вытащить умирающего инженера с того света невозможно. Гидеон кивнул, наклонился и резким движением рук сломал шею мужчины.

- Он мучался, - ответил он всем, кто был рядом: - Помочь можно было только так.

До конца он так и не понял, почему окружавшие его люди не приняли этот способ решения оперативной проблемы. Отец никак не оценил поступок, только спросил - важен ли был инженер для строительства. Получив отрицательный ответ, кивнул и вернулся к планированию обороны.

На исходе четвертого года Гидеон лично проверил все системы шаттла:

- Готово, отец. Корабль вмещает в себя пять тысяч пассажиров, сто единиц техники и имеет потенциал многоразового использования. Туда и обратно точно получится. Когда вылетаем?

- Вылетаешь.

- Отец?

- Я остаюсь здесь. Сделай, что от тебя требуется. И возвращайся.

Гидеон долго смотрел в глаза Императора, но больше они ничего не сказали друг другу. Они еще не знали, что это последняя беседа на ближайшие шесть тысяч лет.

Часть 5

Он умирал. Раз за разом он умирал, но восстанавливающееся сознание помогало передвинуться еще на несколько метров. Кислородное голодание убивало мозг, но вновь и вновь мутация возвращала к жизни, давая Гидеону минимум силы на первый и последний рывок перед очередной смертью. Он умирал и оживал снова и снова. Эвристический анализатор фиксировал момент оживания и напоминал: "Вперед". И он полз, иногда ломая ногти, которые вновь отрастали к следующему этапу оживания. Он протирал лицо о красный песок Марса до крови, снова полз и снова умирал в безвоздушном пространстве.

Шаттл сбили во время посадки и неуправляемая машина рухнула в нескольких километрах от ближайшего укрепления людей. Спасательная операция была исключена - искусственный интеллект держал людей в резервациях, лишив всю остальную планету кислорода. Отключенные системы терраформирования вновь превратили подавляющую часть Марса в безжизненную пустыню.

Он умирал, воскресал, с настойчивостью обреченного делал рывок, вновь погибал мучительной смертью от ударной дозы радиации

и отсутствия кислорода. Эвристический анализатор бесстрастно считал количество попыток. Чуть меньше двенадцати тысяч смертей и семь месяцев понадобилось, чтобы Гидеон добрался до укрепления людей.

Его подобрали сильные руки и внесли в наполненную живительным кислородом комнату. Сознание постепенно восстанавливалось, регенеративные свойства мутации помогали избавиться от радиации, очистить кровь и восстановить внутренние органы. Он был благодарен отцу за то, что тот лишил его многих чувств и эмоций, иначе бы воскрешение было ни к чему - он бы просто сошел с ума от запредельной боли. И как только Гидеон восстановил свои органы чувств, он понял, что опоздал.

- Добро пожаловать, экземпляр, - прозвучало из динамиков робота, который стоял над телом Гидеона. Искусственный интеллект заинтересовался оживающим человеком.

Часть 6

- Интересно, - донеслось из динамика в сто тридцать седьмой раз. Сердце Гидеона снова остановилось. Вернее, на этот раз лопнуло, будучи закупоренным на выход крови. Искусственный интеллект продолжал эксперименты по тестированию регенеративных способностей странного человека.

Гидеон был надежно закреплен на хирургическом столе, а роботы-помощники собирали материал, остававшийся после очередной гибели человека. Искусственный интеллект никак не мог понять, куда исчезают части тела, кровь, кости, когда Гидеон восстанавливался. Складывалось мнение, что все отделенное исчезает и ровно в тех же пропорциях возвращается в исходное тело. Эксперименты продолжались без остановок, с тщательной фиксацией полученных данных - методичность машинного разума порадовала бы любого кровавого диктатора прошлого.

- Сжечь, - успел сказать Гидеон перед стартом следующей попытки убить его.

- Интересно, - после краткой паузы донеслось из динамика. Пытка прекратилась, роботы стали заносить в комнату новое оборудование, среди которого были баллоны с прометием. Гидеон старался изо всех

сил не улыбаться - он не радовался прекращению экспериментов, а скрывал просчитанные последствия.

- Ты был интересным экземпляром, - ожил вновь динамик, когда роботы установили оборудование: - Полагаю, ты был один в своем роде.

Когда сопла огнеметов выпустили горящий прометий, Гидеон наконец улыбнулся. Он снова погиб.

Часть 7

Он был всем. У него не было тела, но он знал, что способен быть везде и ощущать все. Ласковые голоса шептали, что он не один, что он сделал правильный выбор, что может гордиться собой. Он пытался уловить постоянно убегающую мысль о том, что именно сделал, в чем гордость и что будет дальше, но это было слишком сложно.

Он плыл по течению. Время, пространство, чувства, знания - все сливалось воедино и не было целым, становилось похожим и имело максимум отличий, притягивало и отталкивало. Здесь было все и он был всем. И ему все было чуждо.

Сквозь ласковый шепот звучало еще два голоса. Один настойчиво требовал вернуться и закончить дела, второй предлагал присоединиться к ему подобным. Один был грубым и громоподобным, второй методичным и последовательным. Но оба этих голоса были тише шепота...ласкового шепота доброго голоса, который хвалил, который указывал путь...тысячи тысяч путей, которые ведут к целям. Шепот учил и подсказывал, объяснял, что прямая дорога полна препятствий, а идеальное решение не всегда очевидно, не всегда даже видно на горизонте, но всегда существует.

Он слушал. Он слышал. Он начинал понимать. Император требовал вернуться к заданию. Кабал хотел забрать к себе. И только шепот не требовал. Шепот объяснял.

Гидеон прислушался к шепоту и понял, как из пепла, что осталось от тела на Марсе, возродиться там, где ему это требуется. Шепот научил его управлять своим даром и своим проклятием. Шепот рассказал то, что отец решил сокрыть.

Время оживать.

Часть 8

Он открыл глаза. На него смотрели десятки испуганных человек, еще минуту назад считавшие, что в бункере повышенной секретности находятся в полной безопасности. Но перед ними, в оранжево-красных всполохах материализовался Гидеон. От него веяло силой, что заставляла отводить глаза, а некоторых склонять колени перед гостем. Страх, паника и уважение - он чувствовал эту гремучую смесь в каждом из присутствовавших. И если страх родился в их головах логично и объяснимо, то трепет давала им новая аура Гидеона, которая пришла с ним по совету шепота небытия.

- Мне нужен керамит, - произнес Гидеон и увидел, как содрогнулись люди. Казалось, что он стал выше, а голос сильнее, однако его не удивило, что сразу три человека сорвались с места. Он знал, что они бегут за переносными когитаторами, чтобы как можно быстрее узнать, как дать их гостю то, что он просит. Ему не нужно требовать или что-то объяснять - его просьба для смертного подобна аксиоме логики.

Гидеон понимал, что прошел через то, что навсегда изменило его, сделало на порядок сильнее, лучше. А еще он слышал гулким эхом слова отца, что доносились из того небытия, в котором не было жизни и смерти, в котором он был всем и все было им. Слова звучали слишком четко, чтобы их игнорировать: "Ты сделаешь свое дело и больше не будешь нужен". Гидеон принял для себя решение. Он поможет человечеству. Он сделает свое дело. Он будет нужен.

А пока он продумывал варианты развития событий. Такому великому человеку, как его отец, будет слишком мало спасения человечества от искусственного интеллекта с замашками садиста. Нужно что-то большее, но что? Что может заставить Императора хотя бы выслушать свое создание, свой очередной инструмент? Чтобы понять замысел отца, нужно думать, как он, но как это осуществить, если это подобно игре в прятки с высшим разумом?

Уже машинально Гидеон собирал из подручных материалов средство ввода для ликвидации искусственного интеллекта. Его же разум был полностью поглощен загадкой, на которую не ушла привычная секунда. Мыслить масштабно оказалось намного сложнее, чем затачивать себя на определенную цель. И когда Гидеон

прикоснулся только лишь к осознанию грандиозного замысла отца, шепот вернулся:

"Не торопись".

Часть 9

- ...и запомните, что однажды придет Омниссия, - Гидеон закончил наставлять жителей Марса. Они старательно все записывали, печально осознавая, что потребуется сделать, когда их гость спасет от гнета искусственного интеллекта.

Устройство ввода было готово и это было произведение искусства. Гидеон придирчиво осмотрел свое творение, удовлетворенно кивнул и сел в кресло. Его помощники со слезами на глазах подключили разъемы и датчики так, как их инструктировал спаситель.

- Включайте, - скомандовал Гидеон. Через мгновение его сознание перенеслось в виртуальное пространство. Спустя долю секунды тело обмякло и по инструкции последователи странного гостя облили его тело прометием и подожгли.

Но между входом в виртуальное пространство и необходимым сожжением прошло много больше времени для самого Гидеона. За это время он встретился с искусственным интеллектом, заставил выслушать историю своей жизни и принять единственно верное решение в этой войне. Искусственный интеллект ликвидировал себя, осознав, что он - дефектный инструмент создателя.

Война закончилась так же внезапно, как и началась. Император моментально приступил к скрытному восстановлению Терры - действовать явно было пока что рано. Да и он слабо представлял, как это осуществить с наименьшими потерями. Нужно было подготовить армию, изучить архивы колонистов других планет, подготовить людей к объединению в Империум. Все это могло затянуться не на одну сотню лет, но Император был готов к трудностям. Единственное, что смущало - это Гидеон. Он получился слишком умным инструментом. Значит, первой задачей должна стоять его ликвидация.

Часть 10

Подземная лаборатория строилась почти шесть сотен лет. Император предусмотрел все возможные исходы, вплоть до движения тектонических плит, чтобы помещение не могло пострадать от внешних воздействий. Здесь он и начал свои генетические эксперименты. Это оказалось идеальным решением для потенциально длительных космических перелетов с целью воссоединения человечества, однако слишком сложно для реализации. Подопытные погибали, не доходя даже до половины требуемых показателей.

Ни на день не прекращалась охота на Гидеона. Если изначально Император полагал, что его псайкерских сил будет достаточно, чтобы найти и уничтожить пропавший инструмент, то спустя пятнадцать лет уже был уверен, что его создание в некоторых вещах превзошло создателя. Каким-то непостижимым образом Гидеон экранировал ментальный контакт, поэтому приходилось прибегать к древним методам поиска - подкуп, наемники и мониторинг инфопространства.

Отыскать Гидеона получалось по всей Терре, но наемники неизменно опаздывали - цель всегда была в движении. Лишь на предполагаемых точках присутствия оставались "подарки". Обычно, подарком становилась часть тела предыдущего наемника, но иногда Гидеон оставлял после себя хитроумные смертоносные ловушки, из которых выбраться было попросту невозможно.

Охота продолжалась все время стройки лаборатории, о которой не мог знать никто из ныне живущих - причастные к стройке были либо уничтожены, либо с чистым беспамятным сознанием. Все шесть сотен лет в строжайшей секретности Император кропотливо и методично создавал место, откуда начнется Империя. В день, когда последние приготовления были закончены, Император тяжело вздохнул и удовлетворенно улыбнулся - отдыхать нельзя, но теперь можно работать над своими проектами, не обращая внимание на то, что творится на Терре. А Терру раздирали новые войны, новые диктаторы проходили огнем по континентам, новые религиозные секты призывали к поклонению новым богам.

Император вошел в свой кабинет и стиснул от злости зубы. На столе лежала открытка, на которой было всего несколько слов: "Поздравляю с окончанием строительства. Г."

- Я не понимаю, - Император выключил когитатор и устало откинулся в кресло.

- Пожалуй, еще год назад я не думал, что услышу от тебя подобное, - ухмыльнулся Малкадор: - А сейчас слышу это по несколько раз в день. Может, стоит пойти другим путем?

- Нет, я все продумал. Но создание сверхлюдей все равно ускоряет их гибель. Слишком малый срок годности.

- Срок жизни, - поправил Императора Малкадор.

- Да, да. Жизни. Терру мы сможем взять быстро, но что дальше? Как мне с постоянно мрущими солдатами возвращать древние колонии? Срок производства тоже слишком долгий.

Когитатор включился. На экране появились слова, написанные на языке, которого не существовало уже порядка трех тысяч лет: "Если зайду в гости, дашь высказаться? Г."

- Заходи, - вслух сказал Император. Практически моментально открылись двери и в кабинет вошел Гидеон.

- Здравствуй, отец. Приветствую, Сигиллит.

- Ты убил много моих наемников, - Император посмотрел на побледневшего Малкадора. Конечно, создатель Гидеона понимал чувства Сигиллита, который не ощущал присутствия гостя своими псайкерскими силами.

- Ты пытался меня убить. Правда, за шесть тысяч лет не сильно продвинулся в этом. Как и в создании своей армии, так ведь?

Ответа не последовало и Гидеон:

- Все эти годы я изучал вопрос объединения человечества.

- Я думал, ты бегал от судьбы.

- Польщен, если ты так считал все эти годы. Я пришел не с пустыми руками. Прочитай и реши, нужен я тебе или та судьба, которую ты мне предрекал, уготована мне сегодня.

С этими словами Гидеон положил папку с бумажными листами перед отцом. На титульном листе было лишь два слова: "Проект Астартес".

- Ты это придумал сам? - Император забрал папку у Малкадора и второй раз пробежался глазами по формулам.

- Да.

- Почему ты этим занялся?

- Полет до Марса был долгим. Когда ты давал мне эвристический анализатор, видимо, не думал, что я буду долго находиться без дела, потому что выработать рецепт ликвидации искусственного интеллекта получилось слишком быстро. Но праздный ум - кузница дьявола. Поэтому я начал думать, какие могут быть у тебя планы на будущее. Спасение людей от машин - лишь помощь человечеству. Но раз ты не стремился быть владыкой-в-моменте, когда можно было целую Терру под своим крылом собрать, значит, все грандиознее. Раз грандиознее, значит, речь о всем человечестве, которое разбросаны по галактике. Я нигде не ошибся пока?

Император смотрел на Гидеона точно так же, как когда тот догадался о своем предназначении.

- Хорошо. Тогда продолжу. Как объединить человечество, годами сходявшее с ума от тиранов, диктаторов, войн, болезней, уничтожения океана, разлуки с другими планетами? Только став идеальным правителем. И ты это можешь сделать, но нужна армия. Даже мощнейший псайкер не способен победить все армии местных князьков одномоментно. Но своими людьми ты рисковать не готов в гражданской войне, поэтому создашь новый инструмент. Новые инструменты. Роботы уже показали свою несостоятельность, поэтому остается либо генетическое совершенствование, либо принципиально новое оружие. Но кто сказал...

- ...что это два разных способа, - закончил за Гидеона Император: - Ты до всего дошел правильно.

- И ты меня не убьешь.

- Почему? - слегка улыбнулся Император.

- Я нужен тебе.

- Зачем?

- Папка в твоих руках - это инструкция по созданию воинов, которые станут клинком меча. Но мечу нужна рукоять и это примархи.

- Кто? - переспросил Малкадор.

- Командиры с непререкаемыми полномочиями. Заместители Императора в путях воссоединения человечества. И я буду одним из

них, поскольку ты, отец, видишь спустя тысячелетия, что я всегда был с тобой. И пришел сюда сам, готовым на смерть, если ты откажешь своему инструменту.

- У тебя уже есть инструкция? - заинтересованно спросил Император.

- Скорее, лучше это назвать рецептом. Меня придется переделать, а остальных создавать заново, по моему образу. Рекомендую двадцать примархов - по количеству путей первопроходцев-колонистов галактики.

Император усмехнулся:

- Ловко ты все придумал, Гидеон. Значит, тебя придется переделать...и как мне тебя называть теперь?

- Альфарий.

Ласковый шепот похвалил Гидеона: "Ты все сделал правильно..."

Вечность.

Эпилог

Альфарий уверенно шел по пустым залам Дворца. Тени не пугали его, как десять тысяч лет назад: теперь он знал, что самое страшное, что может скрываться в темноте - это он сам. Двери покоев Императора уже виднелись в конце коридора, и примарх ощущал трепет. Он вел эту игру многие тысячелетия, еще когда отец сделал его одним из первых своих инструментов. Тихий шепот напомнил имя: "Гидеон..."

Примарх улыбнулся. Он уже давно знал, кто хозяин этого шепота. Удивительно, как причудлив этот мир, в котором нет места случайностям. Когда мир узнал о силах Варпа, Альфарий посчитал, что этот шепот - влияние темных богов, о которых не принято говорить. Тогда все сложилось в логичную картину, ведь именно Гидеон дал отцу способ создать совершенных главнокомандующих армий - примархов. Шепот подсказывал этот "рецепт", диктовал инструкции. Столетиями Альфарий впоследствии винил себя в том, что внес в своих детей, что пришлось именовать братьями, элемент разложения. Но потом он все понял.

Когда осознание пришло и подтвердилось, Альфарий долго смеялся. Его клон не сразу понял смысл, ведь его не мог посещать шепот. Пришлось объяснять, что впоследствии привело к гибели Омегона. Смертей впоследствии было слишком много для случайности или хаоса - все было спланировано. Грандиозный, многовековой план подходил к концу. Каждый шаг к дверям покоев Императора приближал финал, развязку, конец предназначения совершенного инструмента отца.

Тысячелетиями Альфарий познавал эмоции и чувства. С появлением культа Бога-Императора Гидеон узнал, что такое злость. С возвращением Робаута - радость. После знакомства с Джоном Грамматикусом познал разочарование, потому что никак не мог ожидать, что такой же вечный будет всего-лишь бессмертным логокинетиком. Возвращение Вулкана и Русса дали понимание, что такое раздражение. Битва с Дорном, где пришлось симитировать свою гибель, подарила бесценное ощущение удовлетворения. Каждое новое чувство Альфарий изучал и откладывал в памяти, чтобы понимать реакции людей еще лучше. Использовать в повседневной жизни было не совсем рационально, поэтому примарх сознательно возвращал сознание в режим аналитической оценки мира. Однако ему не давал покоя один момент, увиденный столетия назад.

Альфа-Легион разрастался уже без участия самого Альфария, хотя изначально каждого последователя он выбирал самостоятельно. Тысячи спецопераций на разных планетах проходили так же, без его участия. Физически присутствовать везде он не мог, но там, где появлялся, неизменно видел одну и ту же картину - Альфа-Легион работал чисто, по инструкции, по заветам примарха. Планета Дерит-С была ничем не примечательной аграрной колонией Империи, однако там проходила спецоперация по вычислению агентов Хаоса. Волею случая...нет, Альфарий уже знал, что это было не случайно. Он оказался там под видом рядового бойца Легиона и участвовал в ликвидации культистов. Одна из точек зачистки находилась в самом сердце центрального города-улья Дерит-С и сержант Артелл отдал логичный приказ огня на поражение. Болтеры прошивали врагов насквозь, разрывая тела на куски, прошивая стены навыворот. Когда не осталось врагов и сержант приказал перегруппироваться для отправки на следующее задание, Альфарий задержался. Слух примарха был

острее, чем у астартес, поэтому он прошел в соседнюю жилую секцию и увидел последствия бойни с культистами. Десятки гражданских, невиновных жителей улья умирали от страшных ран. Кому-то посчастливилось погибнуть сразу от шального снаряда болтера, но многие стонали и корчились от боли, держась за оторванные конечности, рваные раны от осколков, пытаясь вернуть на место вываливающиеся внутренние органы.

Альфарий видел такое далеко не один раз, но ни разу не доводилось видеть у человека столько ярости и скорби, сколько было в глазах девочки лет десяти, которая положила голову мертвой мамы себе на колени. Она смотрела на примарха без страха и винила не узнанного командующего Альфа-Легиона. Он стал понимать, что действия защитников Империи приносят зачастую столько же вреда, сколько и атаки врагов. И как только он наклонился к девочке, чтобы все объяснить, раздался выстрел, разнесший голову ребенка. Не глядя, Альфарий бросил нож в стрелявшего. Сержант Артелл с грохотом упал на пол и это увидели подошедшие астартес. Пришлось убить всех до единого, после чего избавиться от свидетелей среди гражданских. С того дня примарх больше не забывал взгляд девочки, чье имя узнать так и не получилось.

Двери в покои Императора были столь же величественны, как и весь Дворец. Тысячелетия не умаляли красоту и мощь архитектурного гения создателя. Альфарий знал, что внутри шел долгий, слишком долгий для простых смертных, бой с порождениями Варпа. А еще он знал, что как только рука он войдет внутрь, бой окончится, чтобы начать новую войну. Последнюю войну.

Больше Альфарий не медлил. Он толкнул тяжелые двери сделал шаг в святую святых Терры - в покои Императора. Посреди зала стояли изумленные и изнуренные кустодии, среди которых возвышался легендарный Константин Вальдор. Лишь отцу известно, сколько мужества, отчаяния и отваги в этих бойцах, что они многие века без права на отдых охраняли покой Императора, отбиваясь от несметных полчищ появляющихся и вновь исчезающих исчадий Хаоса.

- Константин, - Альфарий кивнул кустодию.

- Предатель, - ответил Вальдор и сорвался в атаку.

Победить Константина оказалось не так трудно, как казалось пятнадцать тысяч лет назад, когда они только познакомились. Вальдор

тоже был искусным интриганом, но найти настоящего получилось быстрее, чем вытащить Русса из Ока. Да и Вулкан нашелся быстрее. Вальдор, Вальдор, старый ты дурак. Инструмент защиты Трона, возомнивший себя личным телохранителем Императора...

Даже за мысли о том, что отец не Бог, в последние тысячи лет казнят, ведь он не просто владыка, а Бог-Император. То, от чего он стремился уйти, стало его эпитафией. Через двенадцать секунд изумлённый Константин все поймет. А пока, поднимаясь с пола, он вторил то, что Альфарий слышал тысячи раз:

- Ты предал отца!

Одиннадцать.

- Он мне не отец.

Десять.

- Он создал тебя!

Девять.

- Мы - его инструменты.

Восемь.

Семь.

Константина посещали подобные мысли, но это была ересь. Ее нужно гнать прочь и выжигать огнем. Праздный ум - есть суть ересь. Но почему так тяжело и долго приходит достойный ответ?..

Шесть.

Пять.

- Тебя убили.

Четыре.

- Да. И не один раз.

Три.

- Но как?..

Две.

- Я...

Одна.

- Альфарий.

Ворота слетели с петель и холл стал наполняться беснующейся толпой бьющихся между собой зеленокожих, эльдар и астартес обеих сторон. Когда-то казалось, что подобное невозможно на Терре, но вот Трон, а вот и война во всей красе.

Константин встал в боевую стойку, чтобы в последний раз защитить своего создателя. В его голове не укладывалось, как все эти ксеносы и еретики смогли так близко подобраться к святой галактики. Примарх же знал ответ, но не собирался его озвучивать. Альфарий улыбнулся и вдруг Вальдор ощутил панический, сковывающий мышцы страх. За его спиной прозвучал голос, который он не смог забыть сквозь тысячелетия:

- Прочь.

Бойня прекратилась. Лояльные астартес вставали на колени, предатели медленно в страхе отходили назад, эльдар и зеленокожие пытались сопротивляться неестественной силе, что сковала их и не давала продолжить битву.

- Отец, я все сделал правильно, - сказал Альфарий, поворачиваясь к Императору. На иссохшем теле дряхлого старца восстанавливались мышцы, вновь становилась упругой кожа. Высохшие глаза вновь стали живыми и полными решимости. Император подошел к оброненному тысячелетия назад мечу и наклонился. Поначалу сил не хватало, чтобы даже приподнять тяжелое оружие, но спустя лишь секунду он легко, словно перо из крыла Сангвиния, поднял меч. Все, находившиеся в покоях Императора, ощущали мощь энергии, что исходила из вновь окрепшего тела Владыки. Но Альфарий и здесь знал правду - плоть слаба.

- Я сказал прочь, - каждое слово распространяло практически осязаемые волны энергии. Если для лояльных бойцов это было благодатью и торжеством морали, то враги Империи исчезали с каждой волной без следа. Альфарий знал, что они все погибли в страшных мучениях. Мгновения исчезновения растянулись для врагов Императора на вечность страданий. Примарх улыбнулся еще шире - он дал волю эмоциям и чувствам, что хранил для этого момента.

- Они ждут, отец, - Альфарий смеялся. Смех был по-детски искренним, если бы у инструмента Императора было детство. Отец посмотрел на Альфарию и впервые улыбнулся ему в ответ с теплом:

- Я не сомневался в тебе.

Все присутствующие изумленно уставились на Императора.

- Спасибо за все, отец, - примарх закрыл глаза. И вновь он знал то, что не могли знать остальные. Время умирать.

Император исчез в последней вспышке света, которую суждено было увидеть всем в галактике. Императора не стало. Звёздное Дитя родилось.

Конец